

УДК 341.3

ОСОБЕННОСТИ ГИБРИДНЫХ УГРОЗ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

© 2024 г. О. Г. Боброва

*Военный университет им. князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва*

E-mail: sushkoolga@mail.ru

Поступила в редакцию 16.09.2023 г.

Аннотация. В статье сформулированы теоретические подходы к понятию, признакам, характеристикам правоотношений, складывающихся в период гибридной войны. Выявлена система факторов, детерминирующих развития правового обеспечения безопасности Государственной границы Российской Федерации в условиях специальной военной операции. Обоснована гипотеза, согласно которой специальная военная операция является ответом на гибридную войну против России. При этом гибридная война представляет собой явление, в рамках которого коалиция атакующих государств использует комбинацию военных и невоенных мер, полисубъектность, многосферность, включая правовое пространство. Такой подход закреплен не только в военно-правовой доктрине, но и в международных актах государств — членов НАТО в целом и США в частности. Указанные факторы предопределяют необходимость внесения изменений в систему нормативно-правового регулирования обеспечения военной безопасности Российской Федерации и ее военно-политических союзников (государства — члены ОДКБ) торгово-экономических партнеров (государства — члены ЕАЭС). Предложены методологические подходы к исследованию гибридной войны как правового явления, с которой как с войной четвертого поколения Россия сталкивается в рамках специальной военной операции сейчас и скорее всего столкнется в будущем в рамках концепции глобальной конкуренции государств. В статье представлены результаты применения общенаучных и частнонаучных методов (методология системного анализа, метод обращения к другим наукам, специально-юридический метод и др.) к формулировке правовой характеристики гибридной войны (понятие, структура правоотношений, место и роль права в противодействии угрозам гибридной войны) с учетом специальной военной операции и необходимости обеспечения безопасности Государственной границы Российской Федерации.

Ключевые слова: специальная военная операция, военное право, суверенитет, гибридная война, военная безопасность, правовая неопределенность, государственная граница, государственная безопасность, методология, невоенные меры.

Цитирование: Боброва О. Г. Особенности гибридных угроз безопасности Российской Федерации: теоретико-правовой анализ // Государство и право. 2023. № 3. С. 117–128.

DOI: 10.31857/S1026945224030118

FEATURES OF HYBRID THREATS TO THE SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

© 2023 O. G. Bobrova

*The Prince Alexander Nevsky Military University
of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow*

E-mail: sushkoolga@mail.ru

Received 16.09.2023

Abstract. The article formulates theoretical approaches to the concept, signs, and characteristics of legal relations that develop during the hybrid war. A system of factors determining the development of legal security of the State border of the Russian Federation in the context of a special military operation has been identified. The hypothesis is substantiated, according to which a special military operation is a response to a hybrid war against Russia. At the same time, hybrid warfare is a phenomenon in which a coalition of attacking states uses a combination of military and non-military measures, polysubjectivity, multi-sphere, including legal space. This approach is enshrined not only in military legal doctrine, but also in international acts of NATO member states in general and the United States in particular. These factors determine the need to make changes to the system of regulatory and legal regulation of ensuring military security of the Russian Federation and its military and political allies (CSTO member states) trade and economic partners (EAEU member states). Methodological approaches to the study of hybrid warfare as a legal phenomenon are proposed, which Russia is facing as a fourth-generation war within the framework of a special military operation now and is likely to face in the future within the framework of the concept of global competition of states. The article presents the results of the application of general scientific and private scientific methods (methodology of system analysis, method of referring to other sciences, special legal method, etc.) to the formulation of the legal characteristics of hybrid warfare (concept, structure of legal relations, place and role of law in countering threats of hybrid warfare), taking into account a special military operation and the need to ensure the security of the State border of the Russian Federation.

Key words: special military operation, Military Law, sovereignty, hybrid war, military security, legal uncertain, state border, state security, methodology, non-military measures.

For citation: Bobrova, O. G. (2024). Features of hybrid threats to the security of the Russian Federation: theoretical and legal analysis // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 117–128.

Актуальность исследования вопросов правового обеспечения противодействия угрозам гибридной войны (и специальной военной операции (СВО) как ответа на нее) обусловлена следующими обстоятельствами:

1. Научно-технический прогресс и развитие общественных отношений в части создания и применения новейших информационно-коммуникационных технологий обуславливает изменение «военно-оперативной обстановки, как следствие форм, методов и технологий вооруженной борьбы и предопределяет усложнение конкурентного противостояния государств»¹.

2. Высшая степень опасности для государства и общества, которую несет гибридная война, — утрата суверенитета и государственности, распад Российской Федерации.

3. Недостаточная теоретическая разработанность понятия и сущности гибридной войны на фоне исследований указанного явления с позиции политологии, философии, социологии, истории; существование «терминологических разночтений», отсутствие единой «системы координат»² по исследуемой закономерности, что препятствует созданию единого понятийного аппарата и разработке нормативных правовых актов в сфере обороны и безопасности Российской Федерации.

4. Состояние действующего российского законодательства в области обеспечения национальной безопасности в условиях гибридной войны. Федеральные законы «Об обороне», «О воинской обязанности», «О статусе военнослужащих», а также Военная доктрина, Стратегия национальной безопасности и иные нормативные правовые акты не позволяют обеспечить национальную безопасность в мирное время, в угрожаемый период и во время гибридной войны или вооруженного конфликта. В п. 15 Военной

доктрины РФ лишь упоминаются меры невоенного характера; в п. 13 Концепции внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г. говорится о том, что целью гибридной войны США и их союзников против России выступает всемерное ослабление России, включая подрыв ее созидательной цивилизационной роли, силовых, экономических и технологических возможностей, ограничение ее суверенитета во внешней и внутренней политике, разрушение территориальной целостности³.

5. Недостаточное отражение в международных договорах Российской Федерации (у государств — членов НАТО имеется обширные международные договоры и акты по ведению гибридной войны против России)⁴. В п. 11 Военной доктрины Союзного государства описательно приводятся отдельные характеристики гибридной войны (разработка отдельными государствами механизмов развязывания внутренних вооруженных конфликтов в других государствах в целях смены действующей в них государственной власти или нарушения их территориальной целостности с использованием возможностей сил специальных операций, частных военных компаний и незаконных вооруженных формирований). О необходимости подготовки к отражению гибридных атак многократно заявляло

³ См.: Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 14, ст. 2406.

⁴ См.: Wales Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Wales. 5 Sep. 2014. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 20.02.2023); Brussels Summit Communiqué. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Brussels 14 June 2021 14 Jun. 2021 -|Press Release (2021) 086. Issued on 14 Jun. 2021| Last updated: 17 Jun. 2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm?selectedLocale=en https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 20.02.2023). NATO 2022 Strategic Concept. URL: <https://www.nato.int/strategic-concept/> (дата обращения: 30.07.2022); Vilnius Summit Communiqué Issued by NATO Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Vilnius 11 July 2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm (дата обращения: 06.08.2023).

¹ Гареев М.А., Дербин Е.А., Турко Н.И. Дискурс: методология и практика совершенствования стратегического руководства обороной страны с учетом характера будущих войн // Вестник Академии военных наук. 2019. № 1. С. 4.

² Стригунов К.С., Манойло А.В. Фундаментальный механизм и законы неклассической войны // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 4 (14). С. 158.

не только военно-политическое руководство России⁵, но и Генеральный секретарь ОДКБ⁶. Он отметил, что Организация не в полной мере готова к отражению гибридных атак.

6. Необходимостью осмысления задействованных военных и невоенных мер противника, их концептуальной основы, имеющей юридическую силу, обличенной в форму международных договоров государств — членов НАТО и нормативных правовых актов национального законодательства недружественных (враждебных) государств.

7. Разнотечие в понимании роли международного права как инструмента гибридной войны против России: а) с одной стороны, игнорирование норм международного права; б) с другой — попытка насаждения доктринальных подходов, характерных для англо-саксонской правовой семьи (США и государств — членов НАТО) как единственно верных всему мировому сообществу, включая Россию и ее военно-политических союзников и торгово-экономических партнеров.

8. Востребованность российского опыта противодействия гибридным угрозам в рамках операций в Сирийской Арабской Республике, на Украине, Нагорном Карабахе. Он может стать модельным и выступить основой для разработки международных соглашений по борьбе с гибридными угрозами в рамках ОДКБ, ШОС, иных международных организаций.

9. Необходимость комплексного противодействия атакам и операциям по системной дестабилизации социально-политической и экономической обстановки, инструментами которых выступают враждебные действия в информационном пространстве. Поскольку гибридные угрозы носят комплексный характер, ответ на них со стороны государства также должен быть скоординированным. Так, в части обеспечения безопасности Государственной границы речь идет о взаимодействии Вооруженных Сил РФ, пограничных органов, войск национальной гвардии, сил территориальной обороны, органов исполнительной власти приграничных субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Требуется совершенствование регулирования.

Теоретико-правовые основы понятия и сущности гибридной войны: российский и зарубежный подходы

Отечественные научные подходы к пониманию сущности гибридной войны как общественного и правового явления

Термин «гибридная война», отражающий тенденции в сфере военно-силового и информационного взаимодействия государств, присутствует в российской научной и экспертной терминологии, но правовое содержание его не детерминировано. Кроме того, ведется научная дискуссия о допустимости использования термина «гибридная война» в правовом контексте и о возможностях его закрепления в российском и международном праве.

В российских научных юридических источниках было высказано мнение, что «перспективы включения термина

«гибридная война» в аппарат международного права весьма туманны. Можно также констатировать, что «гибридная война» стала журналистским клише для обозначения действий государств, не вписывающихся в рамки традиционной военно-силовой парадигмы, и это крайне отрицательно сказывается на перспективах нормативно-правового регулирования данного явления⁷. Разработанная зарубежная правовая доктрина ведения против России гибридной войны, основанная на ней система регулирования и правоприменительная практика государств — членов НАТО и недружественных государств опровергает эту точку зрения.

Гибридная война представляет собой комплексное явление. Ее сущностная природа рассмотрена с позиции различных социальных наук в рамках социологии, политологии, философии, военных наук⁸. Предпринимаются редкие попытки осмысления элементов гибридной войны с позиции правовой науки⁹.

Применение систематического обзора эмпирических российских и зарубежных исследований, относящихся к различным общественным наукам, к понятию «гибридная война», позволяет говорить о существовании таких терминов как: гибридные угрозы, невоенные средства, «мягкая сила», «асимметричные действия», «мировые отношения»,

⁷ Сазонова К.Л. «Гибридная война»: международно-правовое измерение // Право. Журнал ВШЭ. 2017. № 4. С. 178.

⁸ См.: Кривко М.А. Концептуализация понятия «гибридная война» в социально-философских исследованиях // Управленческое консультирование. 2018. № 7. С. 43–48; Егорченков Д.А., Данюк Н.С. Теоретико-идеологические подходы к исследованию феномена «гибридных войн» и «гибридных угроз»: взгляд из России // Вестник Московского ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2018. № 1. С. 26–46; Ковалёв А.А. Дискуссия на тему противоборства и сотрудничества в современной политике: от «гибридных войн» к «гибридному миру» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. Вып. 5. С. 975–986; Цыганков П.А. «Гибридная война»: политический дискурс и международная практика // Вестник Московского ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 253–258; Акулинин В.Н., Епифанова Н.С. Концепция гибридной войны в практике межгосударственного противостояния // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 36. С. 53–60; Родачин В.М. Гибридные войны и обеспечение национальной безопасности России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового ун-та. 2019. № 4. С. 93–99; Бартош А.А. Сдерживание в военных конфликтах XXI века. М., 2021; Егоров А.Е. Взаимодействие в гибридной войне // Военная мысль. 2022. № 4. С. 6–23; Манойло А.В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. М., 2018; Суворов В.Л., Малащенко О.А., Косенко В.А. Стратегия «непрямых действий» в современной международной политике. М., 2015; Маркина С.В. От стратегий «невоенных угроз» до стратегии «гибридной войны»: вызовы национальной безопасности России // Человеческий капитал. 2016. № 11 (95). С. 79–82; Шагов А.Е. История происхождения и эволюция концепции и методов ведения гибридной войны. М.: Мир науки, 2022 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://izdmmn.com/PDF/52MNNPM22.pdf>

⁹ См.: Рыльская М.А. Кибервойна: новый взгляд на проблему семантической и правовой идентификации // Военное право. 2020. № 1 (59). С. 243–250; Аулов В.К. Информационное противоборство: «мягкая сила» и другие смежные категории военного права // Военное право. 2022. № 1 (71). С. 9–19; Голоскоков Л.В. Стратегия развития страны в условиях гибридных войн // Трансформация национальной социально-экономической системы России: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 26 ноября 2021 года. М., 2022. С. 18–22; Зубарев Н.В. Некоторые вопросы участия войск национальной гвардии в системе противодействия гибридным угрозам // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2022. № 3 (296). С. 82–89; Романовский Г.Б. Право, гибридные угрозы и борьба с терроризмом // Академический юрид. журнал. 2022. Т. 23. № 1 (87). С. 21–29.

⁵ См.: Запад повышает вероятность начала мировой войны, заявил Медведев. URL: <https://ria.ru/20221116/voyna-1831838996.html> (дата обращения: 29.11.2022); Гибридная война Запада против России и мирная работа ШОС. О чем говорил Патрушев в Ташкенте. URL: <https://tass.ru/politika/15511991> (дата обращения: 20.06.2022); Лавров заявил об объявленной Западом тотальной гибридной войне. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/05/2022/627fa0009a7947615d3ee079> (дата обращения: 20.06.2023).

⁶ См.: Генсек ОДКБ заявил о неготовности организации к гибридным атакам. URL: <https://www.rbc.ru/politics/27/11/2022/63839cea9a7947f2e262799f> (дата обращения: 30.05.2023).

«новые» войны»¹⁰, «гибридные атаки», квазивойна, прокси-война, опосредованная война, суррогатная война¹¹ и др.

Обоснованной видится позиция А. Н. Савенкова и А. В. Кудашкина, которые утверждают, что цивилизационный кризис в полной мере коснулся права. «Разрушение сложившегося миропорядка ведет к снижению возможностей средствами международного права обеспечивать мир и добрососедские отношения между государствами. Для современного миропорядка не характерно ведение классических войн»¹². Этим и объясняется наличие такого феномена как гибридные войны, «которые представляют актуальнейшую угрозу военной безопасности России»¹³. Складывающиеся военные общественные отношения по поводу противодействия гибридным угрозам и обеспечению безопасности Государственной границы Российской Федерации могут быть отнесены к предмету военного права.

Такой вывод актуален не только с точки зрения военно-правовой науки, но и правоприменительной практики в условиях специальной военной операции, в ходе которой «Вооруженные Силы РФ столкнулись с объективной востребованностью разработки конкретных институтов и проблем военного права»¹⁴.

Указанные факторы определяют необходимость ревизии доктрины военного права на предмет формулировки понятия и характеристик гибридной войны. Нам близка позиция, согласно которой «в настоящее время в международно-правовом дискурсе “гибридная война” представляет собой “зонтичный термин”, призванный обозначить различные способы воздействия на противника, находящиеся за пределами классического военно-силового противостояния»¹⁵.

Как отмечает И. В. Холиков, «представляется оптимальным понимание современной войны как крайней формы антагонистического противоборства между цивилизациями, государствами, народами, социальными группами, которое может вестись в различных формах и их сочетаниях — идеологической, экономической, психологической дипломатической, информационной, вооруженной и др.»¹⁶.

В начале XX в. о возможном генезисе войн говорили выдающиеся российские военные теоретики

А. А. Свечин¹⁷ и А. Е. Снесарев¹⁸. Теоретические основы генезиса современных войн развивали научные школы Военного университета Министерства обороны РФ¹⁹ и Военной академии Генерального Штаба Вооруженных Сил РФ. По итогам проведенных исследований было сформулировано определение гибридной войны как «военной стратегии, объединяющей обычную войну, позволяющую сохранять конкурентные преимущества противоборствующего государства при использовании традиционных способов ведения войны и стандартных вооружений с одновременным использованием асимметричных/нетрадиционных и неконвенционных методов ведения войны»²⁰. Ученые обосновали выделение гибридной войны как нового типа войны поскольку «противоборствующие стороны (или, как правило, одна из них — противоборствующее государство) ведут организованную борьбу одновременно в нескольких формах; при этом какая-либо одна из форм борьбы не имеет преобладания, что позволяет трактовать ее как новый тип войны, имеющий специфическое содержание»²¹.

Характеризуя место гибридной войны в стратегиях и концепциях войны государств — членов НАТО, российские военные теоретики отмечают, что что гибридные действия могут выступать первым (подготовительным) этапом «в рамках многосферной операции в едином информационноуправляющем пространстве возглавляемого США коалиционного военного потенциала НАТО против сильного противника (Россия, КНР) с широким привлечением военных и гражданских возможностей блока, стран-партнеров, международных и неправительственных организаций в интересах разрешения конфликта на условиях альянса»²².

Таким образом, учеными были сформулированы следующие тезисы об эволюции современных войн и гибридного их характера, которые влияют на подходы к правовому обеспечению противодействия угрозам военной безопасности: 1) характеристика войны как элемента глобальной политики, изменчивость ее форм и методов, но неизменность цели — уничтожение суверенитета противника; 2) генезис войны как всеохватывающего противоборства воюющих сторон, а не только противоборства в военной сфере; 3) появление нового типа войны — гибридной войны, в которой государства-противники ведут организованную борьбу одновременно в нескольких равнозначных формах, в различных сферах, помимо военных, но влияющих на нее: экономической, политической, информационной, когнитивной, экологической и т. д.; 4) выделение роли экономических инструментов ведения войны и противостояния враждебным действиям как ключевого направления по «поражающей силе» сопоставимого с военным вторжением, уничтожением населения и инфраструктуры; 5) военные и гражданские субъекты,

¹⁰ Селиванов А. А. Технология подготовки и ведения «новых» войн // 75-летие Великой Победы: исторический опыт и современные проблемы военной безопасности России: материалы 5-й Междунар. науч.-практ. конф. науч. отделения № 10 Российской академии ракетных и артиллерийских наук: в 2 т. Москва, 12 марта 2020 года. М., 2020. С. 331.

¹¹ См.: Рылская М. А. Указ. соч. С. 243.

¹² Савенков А. Н., Кудашкин А. В. Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 18.

¹³ Яцкин А. В. Поиски «правового Грааля» завершены (Размышления на полях фундаментального исследования «Военное право» в эпоху трансформации действующего мирового порядка) // Государство и право. 2023. № 6. С. 53.

¹⁴ Там же. С. 52.

¹⁵ Сазонова К. Л. Указ. соч. С. 179.

¹⁶ Гаврилов С. О., Глебов И. Н., Чукин С. Г., Холиков И. В. Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам гл. 6 «Военные проблемы международного права» т. III монографии «Военное право» // Государство и право. 2022. № 12. С. 60.

¹⁷ См.: Свечин А. А. Стратегия. М. — Л., 1926.

¹⁸ См.: Снесарев А. Е. Философия войны. М., 2013. С. 142.

¹⁹ См.: Гибридные войны XXI века: материалы межвуз. «круглого стола» (29 января 2015 г.). М., 2015; Гибридные войны в геополитических процессах XXI века: материалы межвуз. «круглого стола» (17 декабря 2015 г.). М., 2016.

²⁰ Суворов В. Л., Турченко И. Н. Гибридная война как социально-политическое явление. М., 2017. С. 34.

²¹ Суворов В. Л., Малащенко О. А., Косенко В. А. Указ. соч. С. 109.

²² Фазлетдинов И. Р., Лумпов В. И. Роль Ракетных войск стратегического назначения в противодействии стратегической многосферной операции НАТО // Военная мысль. 2023. № 3. С. 53.

международные и неправительственные организации многосферной операции в едином информационноуправляющем пространстве, первый этап которой — гибридная война.

О связи права и гибридной войны обоснованно говорит проф. А.А. Першин. Его точка зрения, которую разделяем, состоит в том, что «в современных войнах противоборствуют не только вооруженные силы и их боевые средства, но и все различные средства участников»²³. Среди перечисленных видов противоборства он особо выделяет правовое, которое заключается в обосновании законности или противозаконности войны.

Если речь идет о законности войны, то логично предположить, что правом в общем и международным правом в частности предусмотрена юридическая ответственность для государства, которое развязало войну незаконно. Развивая тезис проф. А.А. Першина, можно согласиться с тезисом, что противоборствующее государство или группа государств, безбоязненно начинают гибридную войну против государства-мишени ввиду отсутствия международно-правовой ответственности за свои действия. «Для присвоения ответственности важны непосредственные последствия применения силы. А непосредственность последствий является очевидной лишь в тех случаях, когда агрессивное применение военной силы (регулируемое *jus ad bellum*) превышает установленные международным гуманитарным правом нормативные пороги (регулируемые *jus in bello*)». Следовательно, в случае отсутствия «нарушения мира, масштабных страданий людей, разрушения собственности, долговременного ущерба окружающей среде и т.д.»²⁴ нет оснований для привлечения к юридической ответственности агрессора, поскольку невозможно говорить об агрессии. Именно ее применение и является юридическим фактом, с которым связано возникновение оснований для квалификации деяния как нарушения норм международного права.

Указанные характеристики гибридной войны определяют сложности в правовом обеспечении организации обороны государства и подготовки военной организации. Развитие теории гибридной войны позволяет совершенствовать целостную систему правового обеспечения противодействия гибридным угрозам.

Зарубежные научные подходы к пониманию сущности гибридной войны как общественного явления

В иностранных научных источниках вопросам ведения гибридных войн в XX и XXI вв. уделено значительное внимание. Одними из основоположников теории гибридных войн стали русские военные теоретики зарубежья Н.Н. Головин²⁵ и Е.Э. Месснер²⁶. К научным работам, раскрывающим эволюцию войны и обретение ей характеристик гибридности, можно

отнести труды Э. Хобсбаума²⁷, М. ван Кревельда²⁸, Ф. Хоффмана²⁹, М. Калдор³⁰ и др.³¹

Обзор иностранных теоретических научных трудов по вопросам характера современных военных конфликтов позволил выделить следующие употребляемые термины: гибридная война, бесконтактная война, асимметричная война, политическая война, война через посредников (прокси-война), война полного спектра, нерегулярная война, война следующего поколения, война нового поколения, нелинейная война, нетрадиционная война и неограниченная война. При этом многие из указанных работ посвящены анализу деятельности России как «государству, ведущему гибридную войну против Украины с 2014 г.», а также «являющемуся источником гибридных угроз для государств — членов НАТО»³².

Исключительно высокий научный и практический интерес отмечен к явлению гибридной войны в КНР, где сложилось собственная альтернативная концепция «неограниченной войны»³³. Китайские ученые, эксперты, представители военнополитического руководства считают, что концепция гибридной войны была доведена до совершенства именно в России, «основанной на синтезе теории гибридной войны США и собственной практики операций в Сирии, Ливии, ДНР и ЛНР, и информационных операциях в Венесуэле. Этот концепт, по мнению китайских специалистов, уже получил международное признание»³⁴.

Таким образом, можно констатировать, что в трудах зарубежных военных теоретиков нашли отражение следующие

²⁷ См.: Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2020. С. 309.

²⁸ См.: Кревельд М. ван Трансформация войны / пер. с англ. М., 2005. С. 7.

²⁹ См.: Hoffman F. Conflict in the 21st century: the Rise of Hybrid War. Arlington, 2007. P. 32; Hoffman F. On Not-So-New Warfare: Political Warfare vs Hybrid Threats. War on the Rocks, Center for Strategic Research at the National Defense University, 2014. URL: <https://warontherocks.com/2014/07/on-not-so-new-warfare-political-warfare-vs-hybrid-threats/> (дата обращения: 23.01.2023).

³⁰ См.: Калдор М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского; ред. пер. А. Смирнов, В. Софронов. М., 2015. С. 9.

³¹ См., напр.: William S.L., Schmitt J.F., Sutton J.W., Wilson G.I. The Changing Face of War: Into the Fourth Generation // Marine Corps Gazette, October 1989. Pp. 22–26. URL: http://d-n-i.net/fcs/4th_gen_war_gazette.htm (дата обращения: 23.01.2023).

³² См., напр.: Wright T.J. All Measures Short of War: The Contest for the Twenty-First Century and the Future of American Power, New Haven and London, 2017; Shida Junjiro. Haiburiddo Senso no Jidai: Nerawareru Minshushugi [The Age of Hybrid War: Democracy in Target]. Tokyo, 2021; Hoffman F.G. The Contemporary Spectrum of Conflict: Protracted, Gray Zone, Ambiguous, and Hybrid Modes of War. The Heritage Foundation, 2015; Cordesman A.H., Hwang G. The Biden Transition and U.S. Competition with China and Russia: The Crisis-Driven Need to Change U.S. Strategy. Washington, D.C., 2021; Elkus A. “Abandon All Hope, Ye Who Enter Here: You Cannot Save the Gray Zone Concept”, War on the Rocks, 2015; Hoffman F. Conflict in the 21st century: the Rise of Hybrid War; Hoffman F. Hybrid Warfare and Challenges // Joint Force Quarterly. 2009. No. 52; Pierce W.G., Douglas G.D., Marra M.A. Countering Gray-Zone Wars: Understanding Coercive Gradualism // Parameters. 2015. Vol. 45. No. 3; Pomerantsev P. Brave New War: A New Form of Conflict Emerged in 2015 — From the Islamic State to the South China Sea. The Atlantic, 2015; Ronfeldt D., Arquilla J. Whose Story Wins: Rise of the Noosphere, Noopolitik, and Information-Age Statecraft. Santa Monica, 2020; Schelling T.C. Arms and Influence. New Haven, Conn., 1966.

³³ Qiao Liang, Wang Xiangsui. Unrestricted Warfare. Beijing, 1999.

³⁴ Гибридная война США и их союзников против России в контексте специальной военной операции // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 2 (28). С. 150.

²³ Першин А.А. Проблема сущности определения понятия «гибридные войны», состава их участников и приоритетов // Гибридные войны в геополитических процессах XXI века: материалы межвуз. «круглого стола» (17 декабря 2015 г.). М., 2016. С. 52–60.

²⁴ Коростелёв С.В. К определению феномена гибридного применения силы и проблеме вмешательства во внутренние дела государства // Управленческое консультирование. 2021. № 12 (156). С. 37.

²⁵ См.: Головин Н.Н. Наука о войне. О социологическом изучении войны. Париж, 1938.

²⁶ См.: Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера. М., 2005. С. 99 (Российский военный сборник).

признаки гибридной войны как «войны четвертого поколения»: 1) отрицание дихотомии «война-мир», существование государств в условиях постоянной конкуренции и стратегического противоборства; 2) отказ от четкой идентификации линии фронта и районов боевых действий; 3) направленность военных и невоенных мер не только на вооруженные силы и военные объекты, но и на общество (население) в целом, что выражается в широчайшем спектре невоенных мер в политической, экономической, информационной сферах; 4) активное вовлечение негосударственных акторов: террористических экстремистки групп, представителей организованных преступных сообществ, частных военных компаний, политической оппозиции.

Приведенные теоретические тезисы стали основой для разработки правовых норм, регламентирующих ведение гибридной войны против России и ее военно-политических и торгово-экономических союзников, о чем речь пойдет далее.

Методология исследования правоотношений, складывающихся в период гибридной войны

Предпосылками научного осмысления гибридной войны, поиска методологического аппарата познания ее правовой сущности выступает несколько факторов.

Практическое применение теории хаоса в совокупности с наработками в области т.н. «ненасильственных методов» и других технологий демонтажа политических режимов, вместе с революцией в области ИКТ, сетевых технологий и разработками рефлексивного управления позволили достичь принципиально нового уровня синергии от применения компонентов неклассической войны с результатом, сравнимым от прямого полномасштабного военного вторжения³⁵.

Следствием указанного тезиса стало изменение философии и концепции межгосударственных конфликтов. Это предопределяет необходимость «усовершенствования методологических оснований организации национальной обороны в современных условиях, имея в виду развитие знаний о построении взаимоувязанных моделей, методик, приемов, специальных программ и соответствующих практических решений в области планирования обороны страны как части стратегического планирования в Российской Федерации»³⁶.

Необходимость соблюдения логико-гносеологических закономерностей формулирования правовых категорий предопределяет постановку научной задачи по разработке теоретических положений и решению научной проблемы правового обеспечения противодействия угрозам гибридной войны. Названная задача имеет важнейшее политическое, социально-экономическое значение для обеспечения безопасности России.

Следовательно, руководствуясь подходом акад. С.С. Алексеева, можно утверждать, что изучение такого правового явления, как гибридная война, должно осуществляться на «практическом и философском уровне»³⁷. На практическом уровне с позиций аналитической юриспруденции научному осмыслению подлежат законодательство (включая военное), юридические нормы, права и обязанности, ответственность (правовой статус

государственных и негосударственных субъектов гибридной войны), другие правовые явления «под углом зрения присущей им логики, систематики, юридических черт, связей и соотношений, юридической техники и аналитики»³⁸.

Постановка такой задачи предопределяет необходимость применения общенаучных и частнонаучных методов. При этом следует отметить, что сущность гибридной войны, о которой говорилось выше, предопределяет ряд особенностей методологии ее познания:

1) постоянно расширяющийся инструментарий гибридной войны позволяет применять частно научные методы теории государства и права как «постоянно развивающейся, живой науки, находящейся в непрерывном поиске и служащей научным ориентиром государственно-правовой практике»³⁹;

2) необходимость отказа от «журналистских клише» (о чем говорилось ранее), политизированного конъюнктурного подхода, «вульгарных субъективистских и волюнтаристских истолкований государственно-правовых явлений»⁴⁰ предопределяет применение законов диалектики, отражение богатства жизненных процессов в философских категориях.

Вышеназванные обстоятельства свидетельствуют о том, что исследование сущности гибридной войны и правового обеспечения противодействия гибридным угрозам может быть осуществлено с применением следующих методологических подходов теории государства и права и военно-правовой науки:

1. С помощью методологии системного анализа был сформулирован вывод о высшей степени опасности для государства и общества, которую несет гибридная война — угроза уничтожения суверенитета. Системный метод позволил изучить «системообразующие структурные элементы государства и права, прямого и обратного влияния на государство и право внутренней и внешней среды, для предупреждения противоречий и «возмущений» в правовой и государственной системах»⁴¹ при создании комплексной системы правового обеспечения противодействия угрозам гибридной войны в целом и защиты и охраны Государственной границы Российской Федерации в частности. В рамках гибридной войны влияние внешней среды на право выражается в военной агрессии, враждебной позиции государств в международных отношениях, экономических санкциях и др.; влияние внутренней среды на право заключается в необходимости правового реагирования на деструктивную оппозиционную деятельность, работу иностранных агентов. Возмущение в правовой и государственной системах обусловлены несогласованностью, несоординированными действиями публично-правовых субъектов в противодействии гибридным угрозам. Таким образом, как справедливо указывает проф. В.В. Кудашкин, «применением системного метода означает теоретическое исследование объективных, представляющих собой сложную развивающуюся систему, в целях определения механизмов функционирования, развития и поддержке

³⁸ Там же. С. 5.

³⁹ Там же. С. 8.

⁴⁰ Там же. С. 12.

⁴¹ Землин А.И., Корякин В.М. Методология военно-правового исследования. Общая часть: учеб. и практикум. М., 2021. С. 47.

³⁵ См.: Стригунов К.С., Манойло А.В. Указ. соч. С. 180.

³⁶ Гареев М.А., Дербин Е.А., Турко Н.И. Указ. соч. С. 13.

³⁷ Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. С. 4.

целостности этих систем»⁴². В развитие тезиса ученого об обоснованности применения системного метода нами была дана характеристика общественным отношениям, складывающимся в период гибридной войны.

2. С помощью метода обращения к другим наукам была выявлена недостаточная четкость именно теоретико-правовой разработки понятия и сущности гибридной войны на фоне исследований указанного явления с позиции политологии, философии, социологии, истории.

3. Применение формально-догматического (специально-юридического) метода позволило установить, что состояние действующего законодательства в области обеспечения национальной безопасности в условиях гибридной войны (п. 15 Военной доктрины РФ: меры невоенного характера). Формально-юридический метод помог описать, классифицировать и систематизировать такой государственно-правовой феномен как новый тип войны — гибридная война, исследовать ее внешнюю и внутреннюю формы (понятие, структура правоотношений).

4. Метод сравнительно-правового исследования был применен для формулировки вывода о том, что осуществлено нормативно-правовое закрепление инструментов гибридной войны, применяемых против России, в международно-правовых актах государств — членов НАТО. Система нормативно-правового регулирования противодействия гибридным угрозам в праве России и ее военно-политических и торгово-экономических партнеров не выявлена.

5. Метод государственного и правового моделирования позволил разработать «наилучшую схему организации государственного аппарата при формировании системы законодательства»⁴³ по вопросам обеспечения безопасности Государственной границы Российской Федерации др. Кроме того, на основании правового моделирования была детерминирована структура правоотношений, складывающихся в период гибридной войны с участием государственных и негосударственных субъектов в рамках военных и невоенных мер.

6. Методом конкретно-социологического исследования установлено, что ведется информационное противоборство с помощью зарубежных «научных» и «аналитических» материалов в доктринальной сфере. С 2014 г. в общественное сознание, экспертное и научное сообщество последовательно внедряется тезис, что Россия ведет «гибридную войну» против Украины, якобы применяя при этом «теракты на объектах жизнеобеспечения, действия организованных преступных групп в сочетании с традиционными военными мерами для достижения своих политических целей»⁴⁴.

⁴² Кудашкин В. В. Системный метод исследования военных отношений и военного права // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2023. № 9 (314). С. 7.

⁴³ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 9.

⁴⁴ Дикий Е. Гибридная война России: опыт Украины для стран Балтии. Вильнюс, 2016; Karber P., Thibault J. Russia's New-Generation Warfare. Association of the United States Army, 2016; Kennan G., Pettyjohn S. L., Wasser B. Competing in the Gray Zone: Russian Tactics and Western Responses. Santa Monica, Calif., 2019; Connable B., Young S., Pezard S. et al. Russia's Hostile Measures: Combating Russian Gray Zone Aggression Against NATO in the Contact, Blunt, and Surge Layers of Competition. Santa Monica, Calif., 2020; Connell M. E., Evans R. Russia's "Ambiguous Warfare" and Implications for the U.S. Arlington, Va., 2015; Cordesman A. H., Hwang G. Op. cit.

Следовательно, научные труды, военно-правовое доктринальное понимание гибридной войны являются инструментами не только противодействия гибридным угрозам, но и активного продвижения позиции российского военно-политического руководства, выступают элементами той самой «мягкой силы», которую Россия может использовать на площадках международных организаций (универсальных, региональных) для закрепления в нормах международного права, установления выгодного нашему государству и странам — партнерам миропорядка.

Понятие гибридной войны, характеристика правоотношений, складывающихся в период гибридной войны

Проведенное исследование позволило определить особенности правоотношений, возникающих во время гибридной войны:

1) цель: уничтожение основ конституционного строя и суверенитета государства-мишени, смена формы государственно-правового устройства и легитимно избранного военно-политического руководства либо принуждение действующего руководства к безоговорочному выполнению воли противоборствующего государства;

2) средства: применяются скрытые средства борьбы с государством-мишенью, которые позволяют противоборствующему государству, формально не нарушая нормы международного права и не рискуя быть привлеченным к юридической ответственности, скрывать свою причастность к гибридным атакам;

3) охват: применение средств гибридной войны оказывает воздействие на весь государственно-правовой механизм, а не только на военную организацию государства. Причем воздействие невоенными средствами по разрушительной силе может быть сопоставимо либо превосходить военные средства. Однако нормы международного права предусматривают ответственность только за неправомерную военную агрессию, что позволяет противоборствующему государству, применяющему невоенные меры, оставаться безнаказанным;

4) правовое регулирование: подмена норм международного права правилами, устанавливаемыми противоборствующим государством, либо игнорирование действующих правовых норм, денонсация международных договоров в сфере обороны и безопасности, игнорирование юридически обязательных решений универсальных и региональных международных организаций. Кроме того, отмечены попытки исключить государство-мишень из международного правового пространства путем введения нелегитимных санкций (политических, экономических, дипломатических);

5) роль права: в рамках гибридной войны право обеспечивает военные действия, а иногда и предшествует им, выступает инструментом атаки в противовес сложившейся ранее практике, при которой победителю в военном конфликте принадлежало право установления нового международного правопорядка;

6) отказ от дихотомии «война-мир» нивелирует нормы международного и национального права, устанавливающие юридические факты начала и окончания войны, порядок объявления войны, введение военного положения, заключения мирного договора;

7) смешение правовых понятий войны (как следствия военной агрессии) и «неинтервенционного насильственного контроля («цветные» революции, гибридные войны, международный терроризм)»⁴⁵. В качестве примера можно привести гибридную атаку на Республику Казахстан в январе 2022 г., отраженную Коллективными силами оперативного реагирования ОДКБ.

Таким образом, под гибридной войной предлагаем понимать военную стратегию, объединяющую военные меры и невоенные меры в различных сферах жизни общества (экономической, политической, информационной, духовной). К мерам гибридной войны относятся военные и невоенные: управляемые противоборствующим государством террористические атаки и оппозиционные протестные движения, миграционные движения населения, экономические блокады и эмбарго, информационно-психологические операции, кибератаки, биологические атаки (распространение искусственно созданных вирусов, патогенных бактерий, микроорганизмов).

Характеристика элементов правоотношений, складывающихся во время специальной военной операции на Украине как ответ на гибридную войну против России

К элементам правоотношений, складывающихся в период СВО как ответ на гибридную войну, учет которых требуется при разработке нормативных актов органов военного управления, относятся субъекты, объекты и содержание.

1. Субъекты:

государственные (публично-правовые) (вооруженные силы, иные войска, воинские формирования противоборствующих сторон — участники вооруженного конфликта);

негосударственные (террористы, частные военные компании, «неправительственные гуманитарные организации», которые выступают прикрытием для военных инструкторов, наемников, советников, находящихся в зоне вооруженного конфликта или в «серой зоне» под видом сотрудников неправительственных гуманитарных организаций), члены организованных преступных групп, вооруженная оппозиция. Военное-политическое руководство государств — членов НАТО и Украины использует диверсионно-террористические группы на территории приграничных субъектов Российской Федерации.

Полисубъектный состав правоотношений в рамках гибридной войны настолько отличается от традиционных военных конфликтов (как можно наблюдать со времен начала войны в Сирийской Арабской Республике, в рамках СВО на Украине), что регулярные вооруженные силы применяются для достижения поставленных противоборствующим государством целей субсидиарно по отношению к иррегулярным вооруженным формированиям в соответствии с принципом рационального расходования бюджетных средств. Такое положение дел оказывает сильнейшее влияние на содержание правоотношений.

На военно-политическое руководство и регулярные вооруженные силы как публично-правовые субъекты возлагаются обязанности по соблюдению норм международного права в целом и международного гуманитарного права

в частности. Иррегулярные вооруженные формирования такими обязательствами не связаны.

В этом отношении стабильность международно-правового регулирования вооруженных конфликтов выступает той конструкцией, которая появилась после Второй мировой войны и до настоящего времени закрепляет субъектный состав правоотношений: «обращение к применению силы является прерогативой как отдельного государства в целом, так и их объединений — универсальных и региональных международных организаций, а не их отдельных военных структур»⁴⁶. Следовательно, возникает такое положение дел, при котором значительный круг субъектов не охвачен системой правового регулирования, что порождает следующие вопросы: 1) на кого из субъектов (частноправовых и публично-правовых) распространяется статус комбатанта и некомбатанта в условиях гибридной войны? 2) подлежат ли частноправовые субъекты, действующие в соответствии с заданием, приказом, договором с органами военной организации государства юридической ответственности за применение запрещенных методов и средств ведения войны? 3) распространяются ли на указанных субъектов нормы международного гуманитарного права?

Ответы на эти вопросы должны быть даны в рамках международных соглашений Союзного государства России и Беларуси, ОДКБ, в перспективе ШОС. Предлагаем следующие предварительные подходы, которые можно было бы закрепить в указанных соглашениях: предмет правового регулирования: скоординированное противодействие гибридным атакам; в случае, если одно или несколько государств — членов организации подверглись гибридной атаке, они могут обратиться с запросом в организацию за помощью (военной, экономической и т.д.); субъекты, юридически не относящиеся к военной организации договаривающейся стороны или иностранного государства, но действующие в интересах государства-противника (участие в боевых действиях), не являются комбатантом, не подлежат международно-правовой защите, а рассматриваются обороняющейся стороной как наемник.

2. *Объекты:* элементы суверенитета (экономического, политического, технологического, информационного), которые стремятся ослабить или уничтожить противоборствующее государство в целях влияния на принятие политических решений в государстве-мишени, подчинению его себе.

3. *Содержание* правоотношений сложно детерминировать, что обусловлено несколькими факторами: а) правовой статус противоборствующего государства в процессе его деятельности в «серой зоне» (зоне правовой неопределенности) вокруг государства-мишени тщательно скрывается; б) гибридная война предполагает сочетание военных и невоенных мер.

Следовательно, при характеристике правоотношений, складывающихся в ходе применения военных мер, целесообразно прибегнуть к методу правового моделирования. Правовой моделью в определении прав и обязанностей субъектов исследуемых правоотношений могут выступать правоотношения, складывающиеся в ходе реализации норм Международного гуманитарного права. Однако стоит допустить сразу оговорку о неопределенном правовом статусе негосударственных субъектов (наемников, террористов и других представителей вооруженной оппозиции).

⁴⁵ Коростелёв С.В. Указ. соч. С. 40.

⁴⁶ Там же. С. 38.

Роль права в условиях гибридной войны

Проведенное исследование позволило определить роль права в условиях СВО как ответ России на гибридную войну:

1) минимизировать ситуацию правовой неопределенности, целенаправленно порождаемую одновекторными (однаправленными) действиями противника в различных сферах жизни общества. Это касается норм:

а) международного права в части правовой регламентации международного сотрудничества по противодействию гибридным угрозам:

военное и военно-техническое сотрудничество (например, направление контингента миротворческих ОДКБ сил для отражения гибридных атак в Республике Казахстан; региональная группировка войск и сил России и Беларуси для защиты государственных границ⁴⁷);

совместная борьба с терроризмом и организованной преступностью, в том числе противодействие контрабанде вооружения и военной технике;

совместное противодействие биологическим угрозам (по линии военных ведомств государств — членов ОДКБ, пограничных и таможенных служб в рамках ЕАЭС и СНГ);

единые меры по противодействию угрозам экономической безопасности (единое регулирование торговли с третьими странами в рамках ЕАЭС);

построение справедливого, взаимовыгодного международного правопорядка, основанного на нормах морали, общих ценностях, привлекающего для дружественных государств. Именно такой предлагаемый Россией и ее союзниками миропорядок станет преимуществом в стратегической конкуренции с США и их союзниками;

б) национальной права государств — членов ОДКБ и ЕАЭС:

внедрение скоординированного управления угрозами национальной безопасности в рамках наделения специальными полномочиями федеральных органов государственной власти;

смена парадигмы деятельности органов публично-го управления: от узковедомственного подхода к комплексному отражению гибридных атак;

2) выступить формой внешнего выражения норм, закрепляющих общеобязательную концепцию противодействия гибридным угрозам как на национальном уровне, так и на уровне регионального и двустороннего сотрудничества;

3) устанавливать подходы к правовому обеспечению безопасности страны в условиях гибридной войны, основанные на традициях и доктрине российской системы права; исключить внедрение подходов, навязываемых США и их союзниками с позиции англосаксонской системы права.

Обзор зарубежных научных и аналитических источников позволяет утверждать, что в англоязычных научных и экспертных военно-юридических, политологических и экономических источниках закреплён единственный

⁴⁷ См.: Региональная группировка войск и сил Беларуси и России: что это такое. URL: <https://rg.ru/2022/10/26/piat-voprosov-ovazhnom.html> (дата обращения: 30.06.2023).

навязываемый тезис: «Россия является государством-агрессором, которое впервые в мире применило гибридные атаки на независимое государство во время незаконной аннексии Крыма и продолжает это делать во время проведения боевых действий на Украине. За такое преступное поведение Россия должна быть привлечена к различным видам ответственности, в том числе юридической»⁴⁸. Подобный подход легитимизирован в правовых актах государств — членов НАТО; нормативно установлен международно-правовой механизм применения гибридных инструментов против России. В п. 8 Стратегической концепции НАТО (Мадрид, 29.06.2022 г.)⁴⁹, п. 5 Совместного заявления по итогам саммита НАТО 11 июля 2023 г.⁵⁰ Россия названа «наиболее значительной и прямой угрозой безопасности государств — членов НАТО, а также миру и стабильности в евроатлантическом регионе». Схожие оценки высказаны в отношении КНР в п. 13 Стратегической концепции. В п. 27 названного документа легитимизировано применение средств гибридного характера («принуждение политическое, экономическое, энергетическое, информационное и иное») в отношении России и КНР.

* * *

Таким образом, именно российское право должно стать инструментом противодействия названным угрозам и навязыванию международному сообществу, особенно дружественным странам ложной правовой квалификации действий России, препятствовать необоснованным попыткам привлечения России к ответственности, стать основой нового миропорядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акулинин В.Н., Епифанова Н.С. Концепция гибридной войны в практике межгосударственного противостояния // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 36. С. 53–60.
2. Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. С. 4, 5, 8, 9, 12.
3. Аулов В.К. Информационное противоборство: «мягкая сила» и другие смежные категории военного права // Военное право. 2022. № 1 (71). С. 9–19.
4. Бартош А.А. Взаимодействие в гибридной войне // Военная мысль. 2022. № 4. С. 6–23.
5. Бартош А.А. Сдерживание в военных конфликтах XXI века. М., 2021.
6. Гаврилов С.О., Глебов И.Н., Чукин С.Г., Холиков И.В. Право в точке бифуркации: обсуждение концептуального исследования военных проблем международного права (Дискуссия в формате «круглого стола» по материалам гл. 6 «Военные

⁴⁸ Vilnius Summit Communiqué Issued by NATO Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Vilnius 11 July 2023. Para. 7, 8, 18. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm (дата обращения: 30.07.2023) (см. также: Ganshaw J. The war in Ukraine and the challenge of our profession in preserving the Rule of Law in international armed conflicts of the 21st century. Russian-Ukraine International Armed Conflict // National Security Law Quarterly. Center for Law and Military Operations. 2022. No. 2; Дукуй Е. Указ. соч.).

⁴⁹ См.: NATO 2022 Strategic Concept. URL: <https://www.nato.int/strategic-concept/> (дата обращения: 30.06.2023).

⁵⁰ См.: Vilnius Summit Communiqué Issued by NATO Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Vilnius 11 July 2023. https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm (дата обращения: 30.07.2023).

- проблемы международного права» т. III монографии «Военное право» // Государство и право. 2022. № 12. С. 60.
7. *Гареев М.А., Дербин Е.А., Турко Н.И.* Дискурс: методология и практика совершенствования стратегического руководства обороной страны с учетом характера будущих войн // Вестник Академии военных наук. 2019. № 1. С. 4, 13.
 8. Гибридная война США и их союзников против России в контексте специальной военной операции // Гражданин. Выборы. Власть. 2023. № 2 (28). С. 150.
 9. Гибридные войны XXI века: материалы межвуз. «круглого стола» (29 января 2015 г.). М., 2015.
 10. Гибридные войны в геополитических процессах XXI века: материалы межвуз. «круглого стола» (17 декабря 2015 г.). М., 2016.
 11. *Головин Н.Н.* Наука о войне. О социологическом изучении войны. Париж, 1938.
 12. *Голоскоков Л.В.* Стратегия развития страны в условиях гибридных войн // Трансформация национальной социально-экономической системы России: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 26 ноября 2021 года. М., 2022. С. 18–22.
 13. *Дикий Е.* Гибридная война России: опыт Украины для стран Балтии. Вильнюс, 2016.
 14. *Егорченков Д.А., Даник Н.С.* Теоретико-идеологические подходы к исследованию феномена «гибридных войн» и «гибридных угроз»: взгляд из России // Вестник Московского ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2018. № 1. С. 26–46.
 15. *Землин А.И., Корякин В.М.* Методология военно-правового исследования. Общая часть: учеб. и практикум. М., 2021. С. 47.
 16. *Зубарев Н.В.* Некоторые вопросы участия войск национальной гвардии в системе противодействия гибридным угрозам // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2022. № 3 (296). С. 82–89.
 17. *Калдор М.* Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского; ред. пер. А. Смирнов, В. Софронов. М., 2015. С. 9.
 18. *Ковалёв А.А.* Дискуссия на тему противоборства и сотрудничества в современной политике: от «гибридных войн» к «гибридному миру» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. Вып. 5. С. 975–986.
 19. *Коростелёв С.В.* К определению феномена гибридного приращения силы и проблеме вмешательства во внутренние дела государства // Управленческое консультирование. 2021. № 12 (156). С. 37, 38, 40.
 20. *Кревельд М. ван* Трансформация войны / пер. с англ. М., 2005. С. 7.
 21. *Кривко М.А.* Концептуализация понятия «гибридная война» в социально-философских исследованиях // Управленческое консультирование. 2018. № 7. С. 43–48.
 22. *Кудашкин В.В.* Системный метод исследования военных отношений и военного права // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. 2023. № 9 (314). С. 7.
 23. *Манойло А.В.* Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. М., 2018.
 24. *Маркина С.В.* От стратегий «невоенных угроз» до стратегии «гибридной войны» вызовы национальной безопасности России // Человеческий капитал. 2016. № 11 (95). С. 79–82.
 25. *Першин А.А.* Проблема сущности определения понятия «гибридные войны», состава их участников и приоритетов // Гибридные войны в геополитических процессах XXI века: материалы межвуз. «круглого стола» (17 декабря 2015 г.). М., 2016. С. 52–60.
 26. *Родачин В.М.* Гибридные войны и обеспечение национальной безопасности России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового ун-та. 2019. № 4. С. 93–99.
 27. *Романовский Г.Б.* Право, гибридные угрозы и борьба с терроризмом // Академический юрид. журнал. 2022. Т. 23. № 1 (87). С. 21–29.
 28. *Рыльская М.А.* Кибервойна: новый взгляд на проблему семантической и правовой идентификации // Военное право. 2020. № 1 (59). С. 243–250.
 29. *Савенков А.Н., Кудашкин А.В.* Военное право: постановка проблемы и пути решения // Государство и право. 2021. № 4. С. 18.
 30. *Сазонова К.Л.* «Гибридная война»: международно-правовое измерение // Право. Журнал ВШЭ. 2017. № 4. С. 178, 179.
 31. *Свечин А.А.* Стратегия. М. — Л., 1926.
 32. *Селиванов А.А.* Технология подготовки и ведения «новых» войн // 75-летие Великой Победы: исторический опыт и современные проблемы военной безопасности России: материалы 5-й Междунар. науч.-практ. конф. науч. отделения № 10 Российской академии ракетных и артиллерийских наук: в 2 т. Москва, 12 марта 2020 года. М., 2020. С. 331.
 33. *Снесарев А.Е.* Философия войны. М., 2013. С. 142.
 34. *Стригунов К.С., Манойло А.В.* Фундаментальный механизм и законы неклассической войны // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 4 (14). С. 158, 180.
 35. *Суворов В.Л., Малашенко О.А., Косенко В.А.* Стратегия «непрямых действий» в современной международной политике. М., 2015. С. 109.
 36. *Суворов В.Л., Турченко И.Н.* Гибридная война как социально-политическое явление. М., 2017. С. 34.
 37. *Фазлетдинов И.Р., Лумпов В.И.* Роль Ракетных войск стратегического назначения в противодействии стратегической многосферной операции НАТО // Военная мысль. 2023. № 3. С. 53.
 38. *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2020. С. 309.
 39. Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера. М., 2005. С. 99 (Российский военный сборник).
 40. *Цыганков П.А.* «Гибридная война»: политический дискурс и международная практика // Вестник Московского ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 253–258.
 41. *Шагов А.Е.* История происхождения и эволюция концепции и методов ведения гибридной войны. М.: Мир науки, 2022 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://izdmn.com/PDF/52MNNPM22.pdf>
 42. *Яцкин А.В.* Поиски «правового Грааля» завершены (Размышления на полях фундаментального исследования «Военное право» в эпоху трансформации действующего мирового порядка) // Государство и право. 2023. № 6. С. 52, 53.
 43. *Connable B., Young S., Pezard S. et al.* Russia's Hostile Measures: Combating Russian Gray Zone Aggression Against NATO in the Contact, Blunt, and Surge Layers of Competition. Santa Monica, Calif., 2020.
 44. *Connell M.E., Evans R.* Russia's "Ambiguous Warfare" and Implications for the U.S. Arlington, Va., 2015.
 45. *Cordesman A.H., Hwang G.* The Biden Transition and U.S. Competition with China and Russia: The Crisis-Driven Need to Change U.S. Strategy. Washington, D.C., 2021.
 46. *Elkus A.* "Abandon All Hope, Ye Who Enter Here: You Cannot Save the Gray Zone Concept", War on the Rocks, 2015.
 47. *Hoffman F.* Conflict in the 21st century: the Rise of Hybrid War. Arlington, 2007. P. 32.
 48. *Hoffman F.* Hybrid Warfare and Challenges // Joint Force Quarterly. 2009. No. 52.

49. *Hoffman F.* On Not-So-New Warfare: Political Warfare vs Hybrid Threats. War on the Rocks, Center for Strategic Research at the National Defense University, 2014. URL: <https://warontherocks.com/2014/07/on-not-so-new-warfare-political-warfare-vs-hybrid-threats/> (дата обращения: 23.01.2023).
50. *Hoffman F.G.* The Contemporary Spectrum of Conflict: Protracted, Gray Zone, Ambiguous, and Hybrid Modes of War. The Heritage Foundation, 2015.
51. *Karber P., Thibeault J.* Russia's New-Generation Warfare. Association of the United States Army, 2016.
52. *Kennan G., Pettyjohn S.L., Wasser B.* Competing in the Gray Zone: Russian Tactics and Western Responses. Santa Monica, Calif., 2019.
53. *Pierce W.G., Douglas G.D., Marra M.A.* Countering Gray-Zone Wars: Understanding Coercive Gradualism // *Parameters*. 2015. Vol. 45. No. 3.
54. *Pomerantsev P.* Brave New War: A New Form of Conflict Emerged in 2015 – From the Islamic State to the South China Sea. The Atlantic, 2015.
55. *Qiao Liang, Wang Xiangsui.* Unrestricted Warfare. Beijing, 1999.
56. *Ronfeldt D., Arquilla J.* Whose Story Wins: Rise of the Noosphere, Noopolitik, and Information-Age Statecraft. Santa Monica, 2020.
57. *Schelling T.C.* Arms and Influence, New Haven, Conn., 1966.
58. *Shida Junjiro.* Haiburiddo Senso no Jidai: Nerawareru Minshushugi [The Age of Hybrid War: Democracy in Target]. Tokyo, 2021.
59. *William S.L., Schmitt J.F., Sutton J.W., Wilson G.I.* The Changing Face of War: Into the Fourth Generation // *Marine Corps Gazette*, October 1989. Pp. 22–26. URL: http://d-n-i.net/fcs/4th_gen_war_gazette.htm (дата обращения: 23.01.2023).
60. *Wright T.J.* All Measures Short of War: The Contest for the Twenty-First Century and the Future of American Power, New Haven and London, 2017.
10. Hybrid wars in the geopolitical processes of the XXI century: materials of the interuniversity the “Round Table” (December 17, 2015). M., 2016 (in Russ.).
11. *Golovin N.N.* Science of war. On the sociological study of war. Paris, 1938 (in Russ.).
12. *Goloskokov L.V.* The strategy of the country's development in conditions of hybrid wars // Transformation of the national socio-economic system of Russia: materials of the IV International Scientific and Practical Conference. Moscow, November 26, 2021. M., 2022. Pp. 18–22 (in Russ.).
13. *Diky E.* Russia's hybrid war: the experience of Ukraine for the Baltic States. Vilnius, 2016 (in Russ.).
14. *Egorchenkov D.A., Danyuk N.S.* Theoretical and ideological approaches to the study of the phenomenon of “hybrid wars” and “hybrid threats”: a view from Russia // *Herald of the Moscow University. Ser. 12. Political science*. 2018. No. 1. Pp. 26–46 (in Russ.).
15. *Zemlin A.I., Koryakin V.M.* Methodology of military legal research. General part: studies and practicum. M., 2021. P. 47 (in Russ.).
16. *Zubarev N.V.* Some issues of the participation of National Guard troops in the system of countering hybrid threats // *Law in the Armed Forces – Military-legal review*. 2022. No. 3 (296). Pp. 82–89 (in Russ.).
17. *Kaldor M.* New and old wars: organized violence in the global era / transl. from English by A. Appolonov, M. Dondukovsky; ed. by A. Smirnov, V. Sofronov. M., 2015. P. 9 (in Russ.).
18. *Kovalev A.A.* Discussion on the topic of confrontation and cooperation in modern politics: from “hybrid wars” to “hybrid peace” // *National interests: priorities and security*. 2017. Vol. 13. Iss. 5. Pp. 975–986 (in Russ.).
19. *Korostelev S.V.* On the definition of the phenomenon of hybrid use of force and the problem of interference in the internal affairs of the state // *Managerial consulting*. 2021. No. 12 (156). Pp. 37, 38, 40 (in Russ.).
20. *Kreveld M. van* Transformation of war / transl. from English. M., 2005. P. 7 (in Russ.).
21. *Krivko M.A.* Conceptualization of the concept of “hybrid war” in socio-philosophical studies // *Managerial consulting*. 2018. No. 7. Pp. 43–48 (in Russ.).
22. *Kudashkin V.V.* A systematic method for the study of military relations and Military Law // *Law in the Armed Forces – Military Law Review*. 2023. No. 9 (314). P. 7 (in Russ.).
23. *Manoilo A.V.* Information wars and psychological operations. Guide to action. M., 2018 (in Russ.).
24. *Markina S.V.* From strategies of “non-military threats” to the strategy of “hybrid war” challenges to Russia's national security // *Human Capital*. 2016. No. 11 (95). Pp. 79–82 (in Russ.).
25. *Pershin A.A.* The problem of the essence of the definition of the concept of “hybrid wars”, the composition of their participants and priorities // Hybrid wars in the geopolitical processes of the XXI century: materials of the interuniversity the “Round Table” (December 17, 2015). M., 2016. Pp. 52–60 (in Russ.).
26. *Rodachin V.M.* Hybrid wars and ensuring national security of Russia // *Humanities. Herald of the Financial University*. 2019. No. 4. Pp. 93–99 (in Russ.).
27. *Romanovsky G.B.* Law, hybrid threats and the fight against terrorism // *Academic Law Journal*. 2022. Vol. 23. No. 1 (87). Pp. 21–29 (in Russ.).
28. *Rylskaya M.A.* Cyberwar: a new look at the problem of semantic and legal identification // *Military Law*. 2020. No. 1 (59). Pp. 243–250 (in Russ.).
29. *Savenkov A.N., Kudashkin A.V.* Military Law: problem statement and solutions // *State and Law*. 2021. No. 4. P. 18 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Akulinin V.N., Epifanova N.S.* The concept of hybrid warfare in the practice of interstate confrontation // *National interests: priorities and security*. 2015. No. 36. Pp. 53–60 (in Russ.).
2. *Alekseev S.S.* Theory of law. M., 1995. Pp. 4, 5, 8, 9, 12 (in Russ.).
3. *Aulov V.K.* Information warfare: “soft power” and other related categories of Military Law // *Military Law*. 2022. No. 1 (71). Pp. 9–19 (in Russ.).
4. *Bartosh A.A.* Interaction in a hybrid war // *Military thought*. 2022. No. 4. Pp. 6–23 (in Russ.).
5. *Bartosh A.A.* Deterrence in military conflicts of the XXI century. M., 2021 (in Russ.).
6. *Gavrilov S.O., Glebov I.N., Chukin S.G., Kholikov I.V.* Law at the bifurcation point: discussion of the conceptual study of military problems of International Law (Discussion in the format of a round table based on the materials of Chapter 6 “Military problems of International Law” vol. III of the monograph “Military Law”) // *State and Law*. 2022. No. 12. P. 60 (in Russ.).
7. *Gareev M.A., Derbin E.A., Turko N.I.* Discourse: methodology and practice of improving the strategic management of the country's defense, taking into account the nature of future wars // *Herald of the Academy of Military Sciences*. 2019. No. 1. Pp. 4, 13 (in Russ.).
8. The hybrid war of the United States and its allies against Russia in the context of a special military operation // *Citizen. Elections. Power*. 2023. No. 2 (28). P. 150 (in Russ.).
9. Hybrid wars of the XXI century: materials of the interuniversity the “Round Table” (January 29, 2015). M., 2015 (in Russ.).

30. *Sazonova K.L.* "Hybrid war": an international legal dimension // *Law. HSE Journal*. 2017. No. 4. Pp. 178, 179 (in Russ.).
31. *Svechin A.A.* *Strategy*. M. – L., 1926 (in Russ.).
32. *Selivanov A.A.* Technology of preparation and conduct of "new" wars // 75th anniversary of the Great Victory: historical experience and modern problems of military security of Russia: materials of the 5th International Scientific and Practical Conference departments No. 10 of the Russian Academy of Rocket and Artillery Sciences: in 2 vols. Moscow, March 12, 2020. M., 2020. P. 331 (in Russ.).
33. *Snesarev A.E.* *Philosophy of War*. M., 2013. P. 142 (in Russ.).
34. *Strigunov K.S., Manoilo A.V.* Fundamental mechanism and laws of non-classical warfare // *Citizen. Elections. Power*. 2019. No. 4 (14). Pp. 158, 180 (in Russ.).
35. *Suvorov V.L., Malashenko O.A., Kosenko V.A.* The strategy of "indirect actions" in modern international politics. M., 2015. P. 109 (in Russ.).
36. *Suvorov V.L., Turchenyuk I.N.* Hybrid war as a socio-political phenomenon. M., 2017. P. 34 (in Russ.).
37. *Fazletdinov I.R., Lumpov V.I.* The role of Strategic Missile forces in countering NATO's strategic multi-sphere operation // *Military thought*. 2023. No. 3. P. 53 (in Russ.).
38. *Hobsbawm E.* The Age of extremes. The Short twentieth Century (1914–1991). M., 2020. P. 309 (in Russ.).
39. If you want peace, defeat the rebel war! The creative legacy of E.E. Messner. M., 2005 (Russian Military Collection). P. 99 (in Russ.).
40. *Tsygankov P.A.* "Hybrid war": political discourse and international practice // *Herald of the Moscow University*. Ser. 18. Sociology and Political Science. 2015. No. 4. Pp. 253–258 (in Russ.).
41. *Shagov A.E.* The history of the origin and evolution of the concept and methods of conducting hybrid warfare. Moscow: Mir nauki, 2022 [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://izdmn.com/PDF/52MNNPM22.pdf> (in Russ.).
42. *Yatskin A.V.* The search for the "legal Grail" has been completed (Reflections on the fields of fundamental research "Military Law" in the era of transformation of the current world order) // *State and Law*. 2023. No. 6. Pp. 52, 53 (in Russ.).
43. *Connable B., Young S., Pezard S. et al.* Russia's Hostile Measures: Combating Russian Gray Zone Aggression Against NATO in the Contact, Blunt, and Surge Layers of Competition. Santa Monica, Calif., 2020.
44. *Connell M.E., Evans R.* Russia's "Ambiguous Warfare" and Implications for the U.S. Arlington, Va., 2015.
45. *Cordesman A.H., Hwang G.* The Biden Transition and U.S. Competition with China and Russia: The Crisis-Driven Need to Change U.S. Strategy. Washington, D.C., 2021.
46. *Elkus A.* "Abandon All Hope, Ye Who Enter Here: You Cannot Save the Gray Zone Concept", *War on the Rocks*, 2015.
47. *Hoffman F.* Conflict in the 21st century: the Rise of Hybrid War. Arlington, 2007. P. 32.
48. *Hoffman F.* Hybrid Warfare and Challenges // *Joint Force Quarterly*. 2009. No. 52.
49. *Hoffman F.* On Not-So-New Warfare: Political Warfare vs Hybrid Threats. War on the Rocks, Center for Strategic Research at the National Defense University, 2014. URL: <https://warontherocks.com/2014/07/on-not-so-new-warfare-political-warfare-vs-hybrid-threats/> (дата обращения: 23.01.2023).
50. *Hoffman F.G.* The Contemporary Spectrum of Conflict: Protracted, Gray Zone, Ambiguous, and Hybrid Modes of War. The Heritage Foundation, 2015.
51. *Karber P., Thibeault J.* Russia's New-Generation Warfare. Association of the United States Army, 2016.
52. *Kennan G., Pettyjohn S.L., Wasser B.* Competing in the Gray Zone: Russian Tactics and Western Responses. Santa Monica, Calif., 2019.
53. *Pierce W.G., Douglas G.D., Marra M.A.* Countering Gray-Zone Wars: Understanding Coercive Gradualism // *Parameters*. 2015. Vol. 45. No. 3.
54. *Pomerantsev P.* Brave New War: A New Form of Conflict Emerged in 2015 – From the Islamic State to the South China Sea. The Atlantic, 2015.
55. *Qiao Liang, Wang Xiangsui.* Unrestricted Warfare. Beijing, 1999.
56. *Ronfeldt D., Arquilla J.* Whose Story Wins: Rise of the Noosphere, Noopolitik, and Information-Age Statecraft. Santa Monica, 2020.
57. *Schelling T.C.* Arms and Influence, New Haven, Conn., 1966.
58. *Shida Junjiro.* Haiburiddo Senso no Jidai: Nerawareru Minshushugi [The Age of Hybrid War: Democracy in Target]. Tokyo, 2021.
59. *William S.L., Schmitt J.F., Sutton J.W., Wilson G.I.* The Changing Face of War: Into the Fourth Generation // *Marine Corps Gazette*, October 1989. Pp. 22–26. URL: http://d-n-i.net/fcs/4th_gen_war_gazette.htm (дата обращения: 23.01.2023).
60. *Wright T.J.* All Measures Short of War: The Contest for the Twenty-First Century and the Future of American Power, New Haven and London, 2017.

Сведения об авторе

БОБРОВА Ольга Геннадьевна — кандидат юридических наук, заведующая 20 кафедрой (военного права), докторант Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации; 123001 г. Москва, ул. Б. Садовая, д. 14

Authors' information

BOBROVA Olga G. — PhD in Law, Head of the 20th Department (Military Law), Doctoral Candidate of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation; 14 B. Sadovaya str., 123001 Moscow, Russia